

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Н. В. Самосюк

кандидат культурологии, доцент

Беларусь, Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина

В статье раскрывается специфика взаимоотношений православного духовенства с административными властями на основании трех личных дел священнослужителей. Главными критериями лояльности православного духовенства для польских властей являлось принятие автокефалии, знание польского языка, участие в движении православных поляков

Ключевые слова: личные дела, православное духовенство, межвоенный период, Православная церковь, административные власти.

Межвоенный период в истории Православной церкви на территории Западной Беларуси являлся сложным этапом в её социокультурном развитии. В это время формируются и развиваются белорусское и украинское национально-церковные движения, активизируется русская общественность, административные власти искусственно создают движение православных поляков [1, л. 143–170]. Каждое из движений предлагает Православной церкви в лице её руководства свой путь развития. Церковное руководство понимает, что произошли значительные политические и социокультурные изменения в обществе, но вместе с тем стремится к сохранению традиций во всех сферах деятельности Православной церкви.

Личные дела православных священников являются важным источником по истории Православной церкви Западной Беларуси в межвоенный период. Польские административные власти вели собственное делопроизводство. Наличие такого дела автоматически означало наличие какой-либо нештатной ситуации у священнослужителя во взаимоотношениях с польскими властями. Вместе с тем, учитывая сложность и противоречивость всего периода, можно отметить, что позиция православного духовенства во взаимоотношениях с польскими властями претерпела значительную трансформацию на протяжении рассматриваемого периода.

В личном деле православного священника Иоанн Антиповича, к сожалению, очень мало биографических сведений. Его взаимоотношения с польскими властями развивались без явных конфликтов. Так, в 1923 г. Иоанн Антипович возглавил самостоятельный православный приход для жителей деревень Залесье, Мачулищи и Заречье Волчинской гмины [2, л. 7]. При этом необходимо отметить, что непосредственно инициатива исходила от самих прихожан, так как Токарский храм в праздники не вмещал всех желающих присутствовать на богослужении. Из этого документа становится ясно, что до Первой мировой войны

Пауцкий приход был самостоятельным. Однако в результате полного разрушения своего храма в ходе военных действий прихожане вынуждены были посещать Токарский храм. Жители деревень Залесье, Мачулищи и Заречье в прошении на имя поветового старосты о восстановлении их храма отмечали, что с прихожанами Токарского прихода нередко случались неприятности и даже недоразумения. Кроме того, восстановление прихода давало бы потенциально возможность посещать храм на регулярной основе женщинам и детям. Как административные, так и церковные власти, инициативу восстановления самостоятельного прихода поддержали.

В целом можно отметить, что взаимоотношения с польскими властями складывались благополучно. В 1928 г. поветовый староста характеристике, составленной в виде стандартизированной анкеты, относительно Иоанна Антиповича отметил, он в отношении нравственности он производит на административные власти хорошее впечатление. Далее следовали следующие характеристики: «в отношении к государственным властям лоялен; заслуживает поощрений за свою деятельность» [2, л. 21]. Примечательно, что графы: «пастырская деятельность», «общественная деятельность», «политическая деятельность», «интеллигентность», «отношение к прихожанам» остались незаполненными [2, л. 21]. Из личного дела следует, что Иоанн Антипович в 1927 г. присягнул на верность польскому государству, а также в письменном виде засвидетельствовал о том, что он признает автокефалию и со своей стороны сделает всё от него зависящее для того, чтобы его прихожане также признавали самостоятельность Православной церкви в Польше [2, л. 22–23].

Необходимо отметить, что принятие автокефалии было инициировано польскими властями. Значительная часть православного духовенства оставалась верной Русской православной церкви и не принимала автокефалию. Как правило, это были представители старшего поколения, воспитанного в дореволюционных учебных заведениях. Для административных властей принятие либо непринятие автокефалии становилось своеобразным маркером лояльности духовенства.

Личное дело Семена Андруцкого, родившегося в 1884 г. и служившего в приходах Пинского повета и имевшего польское гражданство, более насыщено фактами. На момент присоединения Западной Беларуси к возрожденному польскому государству, Семен Андруцкий был уже сложившейся личностью со своими взглядами и убеждениями. Образование он получил в Могилевской учительской семинарии. Далее среди прочей статистической информации зафиксировано, что он принадлежит польской национальности. Однако в графе, относительно политических взглядов, Семен Андруцкий, не принадлежит к каким-либо политическим партиям и организациям, но, как отмечает поветовый староста, симпатизирует бывшей Российской империи. Таким образом, мы можем отметить, что в этой анкете прямое противоречие. Семен Андруцкий, исходя из реалий Западной Беларуси, в действительности, мог определять себя либо как белоруса, либо как украинца, однако под влиянием административных властей указал, что он поляк. Далее в личной карточке следует ещё более интересная информация, так как Семен Андруцкий «по отношению к польскому государству

настроен нелояльно, приминать добровольное участие в движении православных поляков не намерен» [3, л. 17]. При этом необходимо отметить, что Семен Андруцкий никаких административных взысканий не имел. В личном деле никаких конкретных примеров проявления нелояльности по отношению к польским властям не приводится. В этой связи не совсем понятно, в связи с чем священника Семена Андруцкого административные власти считают нелояльным по отношению к государству. Можно сделать вывод, что участие либо неучастие в движении православных поляков для административных властей являлось ещё одним важным маркером лояльности по отношению к польскому государству.

Для признания принятия автокефалии Православной церковью в Польше власти большинством приходских священнослужителей власти вынуждены были использовать административный ресурс. До 1927 г. Семен Андруцкий служил в приписном приходе в Дубновичах Пинского повета. 24 октября 1927 г. поветовый староста отправил воеводе расписку о признании автокефалии Семеном Андруцким. В этом машинописном стандартизированном документе содержался следующий текст: «Я, нижеподписавшийся, признаю принятие автокефалического устройства Православной церковью в Польше и обязываюсь прикладывать усилия для его учреждения, а также обязываюсь доносить эту информацию до всех православных» [3, л. 6–7]. Кроме этого, Семен Андруцкий подписал также присягу на верность польскому государству: «Обязуюсь и присягаю Богу Всемогущему на Святом Евангелии в том, что на территории вверенного мне прихода обязуюсь быть верным гражданином Речи Посполитой, признавать и исполнять законодательство польского государства, прикладывать все усилия к тому, чтобы в вверенном мне приходе уважение и верность к Польше, только возрастали, как и уважение к государственным властям и выполнение законодательства, что мораль и нравственность в сердцах моих прихожан будет развиваться таким образом, что все они станут добрыми христианами и гражданами Польши» [3, л. 8].

Непосредственных уточнений в личном деле относительно того, в связи с чем именно от Семена Андруцкого власти потребовали письменно подтвердить признание автокефалии, а также присягнуть на верность польским властям, к нашему большому сожалению, нет. Это обстоятельство даёт основания утверждать о предвзятости и крайней субъективности административных властей по отношению к православному духовенству.

Для давления на православное духовенство широко использовался материальный ресурс. Из министерства исповеданий и народного просвещения выделялись дотации, однако административные власти могли повлиять на то, чтобы эти средства определённый священнослужитель не получил по причине своей нелояльности к государству. В 1936 г. священник Семен Андруцкий, являвшийся на тот момент настоятелем прихода в Серниках гимны Витчевка, обращался министерство вероисповеданий и народного просвещения с просьбой о выделении ему 100 злотых, в связи с очень тяжёлым материальным положением, обусловленным продолжительной болезнью жены Софьи, а также расходами на обучение сына Вадима в школе псаломщиков. Необходимые документы в виде свидетельства от лечащего врача жены, а также справки из школы псаломщиков были

приложены. Однако поветовый староста в Пинске в письме к воеводе настаивал на том, что помощь Семену Андруцкому не была оказана, по соображениям моральным, а также политическим. В прилагаемой на обороте тайной характеристике было зафиксировано, что по национальности Семен Андруцкий белорус. Поветовый староста характеризовал Семена Андруцкого весьма нелестно: «Имеет склонность к алкоголю, прихожане подозревают его в присвоении церковных денег. Плохо влияет на отца проживающая с родителями дочь» [3, л. 14–15]. При этом никаких фактов и доказательств этих слухов нет, также как и свидетельств проявления аморального поведения. Таким образом, государственные власти намеренно формировали негативный образ православного священнослужителя.

В целом староста констатировал, что в своих политических взглядах Семен Андруцкий остается русским монархистом, однако никаких попыток участия в политической деятельности никогда не принимал. В отношении к властям и польскому государству пытался делать вид лояльности, однако в действительности безразличен. Староста доносил воеводе, что в доме Семена Андруцкого поддерживаются русские традиции, характерные для быта и уклада дореволюционного духовенства Российской империи. Его сын получил образование в школе псаломщиков в Яблочной, дочь проживает с родителями. Дети священника польским языком владеют. Сам Семен Андруцкий польским языком владеет слабо, его жена совсем не владеет польским языком.

На наш взгляд, наиболее ценным материалом в личных делах являются непосредственно автобиографии священнослужителей. В 1925 г. священник Питирим Бакланович, родившийся в 1877 г. в Ястрембовке Курской губернии, совместно с прихожанами инициировал выделение самостоятельного прихода в деревне Збунин для многочисленного православного населения окрестных деревень [4, л. 40]. Он пользовался заслуженным авторитетом в приходе так, как смог объединить прихожан и скоординировать их усилия в ремонте храма. Однако именно этот ремонт привёл к проблемам во взаимоотношениях с церковными властями. В 1931 г., на тот момент уже иеромонах, Питирим Бакланович писал в министерство вероисповеданий жалобу на полесскую духовную консисторию. Сущность проблемы заключалась в следующем. Для требовавшегося капитального ремонта храма збунинские прихожане организовали комитет, собрали часть средств. Недостающую сумму денег было решено получить за счёт продажи леса. В продажу леса вмешалась полесская духовная консистория, продавшая лес через посредника, который в документах фигурирует под фамилией Гольдман, и около года обещавшая помочь в ремонте. В результате храм был отремонтирован, так как прихожане, не дождавшись обещанных денег сами выплатили все долги за строительные материалы. Православное население прихода хотело жаловаться в митрополию, однако представители полесской духовной консистории, неоднократно приезжавшие в Збунин, убедили Питирима Баклановича всячески этому препятствовать, так как в противном случае у священника будут большие неприятности. Прямой конфликтной ситуации удалось избежать, однако внезапно, 4 июля 1931 г. отец Питирим получил указание на перемещение

в Выгороше Коссовского повета: «Указание консистории для меня свято и я незамедлительно выехал на новое место службы. Когда приехал, то увидел, что приход ничем не располагает и понял, что это месть со стороны консистории» [4, л. 17, 17 об., 18]. После этих событий Питирим Бакланович официально попросил перевести его в Яблочинский монастырь. При монастыре действовало благотворительное учреждение для пожилых одиноких священнослужителей, оставшихся без средств к существованию. 20 августа 1932 г. полесская духовная консистория лишила Питирима Баклановича священнического и монашеского сана на основании того, что он якобы распространял восточнославянский обряд среди населения Збунина. Из материалов дела не совсем понятно, когда именно Питирим Бакланович принял монашеский сан. В документе, датированном 1922 г. фигурирует жена Ольга, которая вместе с мужем должна была находиться в лагере для интернированных в Калише [4, л. 60]. Фактически, он обратился в министерство, так как оказался в бедственном положении. За всё время проживания в пределах польского государства Питирим Бакланович так и не смог получить гражданство. Лишение сана грозило высылкой за пределы государства.

Таким образом, личные дела православных священников позволяют проследить специфику отношения административных властей к Православной церкви на протяжении межвоенного периода. Исходя из материалов личных дел, можно отметить, что для административных властей ключевыми маркерами этих отношений являлось принятие автокефалии, употребление польского языка, а также участие в движении православных поляков. Внимание административных властей к приходскому духовенству является важным подтверждением определяющего влияния православного духовенства на своих прихожан, что, в свою очередь, свидетельствует об авторитете Православной церкви среди населения Западной Беларуси на протяжении всего межвоенного периода.

Список источников и литературы:

1. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2020. – 212 с.
2. Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Опись 11. – Дело 17. Личное дело священника Православной церкви в деревне Токары Антипоровича Яна
3. Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Опись 11. – Дело 15. Личное дело священника Андруцкого Семена.
4. Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Опись 11. – Дело 39. Личное дело священника Баклановича Питирима.